

Серик БАЙХОНОВ

АЛТАЙ – РУБИКОН

Этно-роман

Продолжение.
Начало в № 8–11, 2024.

Глава шестая

В ПУСТЫНЕ. ЛОШАДЬ ПРЖЕВАЛЬСКОГО

1

В этот день, едва вспомнив о диких лошадях, Пржевальский тут же спешно открыл свой дорожный дневник и начал очередную запись: «В городе Санкт-Петербурге, в музее Российской научной академии, есть один экземпляр дикой лошади, которую зоолог И. С. Поляков очень хорошо изучил, описал и назвал моим именем. Дикие лошади имеют ряд отличительных черт: обычно у них в области крестца шерсти практически нет, взъерошенная и достаточно крепкая холка, а также зоологические отличия от своих домашних собратьев: строение и размеры черепа и копыт, наличие на задних ногах роговидного отростка (в отличие от ишаков), отсутствие одного позвонка. И хотя данный вид парнокопытных имеет ряд визуальных и зоологических отличий от одомашненных лошадей, данный вид можно смело отнести к виду, который существует в дикой природе. Таким образом, согласно исследованиям Полякова, эти лошади являются промежуточным связующим звеном между ишаком и домашней лошадью. С большой вероятностью можно сказать, что открытый новый вид представляет собой стопроцентный вид дикой лошади, которая является прямым предком нынешних домашних лошадей. Что касается отличий между прирученной и дикой лошадью, то, скорее всего, это есть продукт многовековой ассимиляции».

Пржевальский понимал, что его знания в биологии весьма ограничены. Это было заметно по тому, как он описывал дикую лошадь, получив от проводника-казаха её шкуру: когда он пытался охарактеризовать это животное, его повадки и образ жизни, ареал обитания, рука путешественника невольно замирала в воздухе – трудноато оказалось подобрать нужные слова, которые дали бы относительно точное и детальное описание. Почему-то Алдиярыч называл эту лошадь кертаком – полосатым, хотя ничего общего с зеброй у неё не было. Да и к тому же, Пржевальскому было не по себе от того, что животное это относили даже не к кулану, а к существу, которое безропотно и по-своему благородно трудилось на благо людей, однако по образу жизни являлось далеко не лучшим пращуром – ишаку.

Пржевальский долго копался в вещах, лежавших в глубине юрты, и достал оттуда подшивку журнала «Вестник Императорского русского географического общества». Всё правильно, Поляков описал его экземпляр как существо со светлой, дымчатой шкурой. Он вспомнил, что видел в табуне диких лошадей несколько светлых кобылиц. Следовательно, те копытные, которых он видел, никак не могли быть ишаками, куланами и даже лошаками. Судя по окрасу, это

были самые настоящие лошади, которые впредь будут называться его именем – «лошадьми Пржевальского». Да... Мысль эта ему понравилась. Сколько дорог он прошёл за свою жизнь, сколько важных научных открытий сделал, трудно вспомнить. Среди открытий были такие, которые по достоинству оценены мировой наукой, но были и те, что остались незамеченными. К тому же Пржевальский знал таких людей, которые называли его своим учителем и наставником, а за глаза ругали. В мировом сообществе его расценивали и желали видеть не как великого учёного, а как путешественника. Многие из его соратников хотели выставить его простым писателем, даже обозревателем, который всего-навсего кропотливо записывает свои заметки и наносит на карту новые, неизведанные доселе места, не более того.

Конечно, среди русских интеллигентов понятия «писатель» и «путешественник» по смыслу были далеки друг от друга, как два берега широкой степной реки Иртыш. Однако ему было интересно, а считают ли эти люди его серьёзным учёным?.. Здесь правдой было и то, что ему не хватало терпения сидеть в архивах и библиотеках при тусклом свете чадящих лампадок и перебирать полуистлевшие и пахнущие сыростью бумаги. И ведь не его вина, что мысли его были быстрыми, а перо – всегда наготове. Он понимал, что куда удобнее и приятнее докладывать всё сухим канцелярским тоном, при случае просто начертить план или карту, чем обосновывать всё подробно, согласно научной точке зрения. Значит, нужно писать, и не просто выстраивать в ряд слова, а писать с душой, используя свой собственный литературный стиль... Писательство – это умение передать своими словами то, что он увидел и почувствовал. Пржевальскому вспомнилось изречение, которое сказал когда-то один мудрый человек, возможно, даже кто-то из этих самых степняков: «Имея терпение, даже змея может покорить вершину, на которую взлетел орёл»...

Мысли, гуляя по просторам прошлого, каждый раз возвращали его к путешествию на Лобнор, во время которого он впервые увидел тех самых диких животных. Отыскав среди прочих вещей свой старый дневник, он начал перечитывать старые записи: «За всё время путешествия мне лично всего два раза посчастливилось видеть косяк диких лошадей. К лошадям можно было приблизиться лишь на расстояние полёта пули, однако они чуяли посторонний запах за версту и пугливо убегали с места пастьбы. Жеребец, подняв хвост и прыгнув к земле крепкую шею, скакал вместе с кобылицами и ничем не отличался от других лошадей. Остановившись вдалеке тесной группой, они, то и дело похрапывая, смотрели в нашу сторону... затем, вновь всхрапнув, продолжили свой бег и вскоре растворились в песках. В этом косяке, похоже, было несколько особей пепельного окраса, более детально рассмотреть которых не было возможности».

Солнце, устав целый день тащиться по небосводу, медленно ушло на покой, и вечернюю тишину разорвал звук, раздавшийся из зарослей саксаула. Изначально он был похож на шум ветра, затем показалось, что это шум воды, а потом звук стал схож с человеческим голосом. Вскоре заговорили песчаные барханы. Издали чудилось, что барханы эти на самом деле были кучами пепла и золы, оставшимися после огня нещадно палившего солнца. И едва оно исчезло за горизонтом, тень саксаула стала длиннее, и в пустыне сразу же воцарилась прежняя тишина.

Путешественник слушал. Сидел и слушал звуки природы, которые то исчезали, то снова появлялись. Сам по себе шум ветра был подозрителен, а когда воцарилась тишина, это ещё больше насторожило его. Обычно в пустыне такие звуки бывают перед песчаной бурей, сезон которых длится с апреля по май.

Неторопливо и аккуратно перебирая страницы, Пржевальский стал искать старые записи в дневнике. Помнится, ещё три года назад он записал сведения о песчаных бурях. Наконец, не без труда, при мерцающем огне лампы отыскал эти заметки.

«...Обычно буря начинается утром, часов в девять-десять, иногда после обеда. Бушующий песчаный ураган, как правило, утихает перед самым закатом. Ветер поднимает в воздух песчинки, которых так много, что даже не видно солнечного света. Мы были очевидцами одной такой бури во время нашего путешествия в Джунгарию. В общей сложности период бурь продолжался с десятого апреля до первой половины мая. После одного сильного песчаного урагана были ещё шесть, однако по своей силе они уступали первому».

После того как звуки, которые так тревожили его, исчезли, наступила тягучая тишина. Ему вспомнилась экспедиция десятилетней давности в Коканд, когда в песчаной буре погибло пятьсот человек. Вооружённые до зубов пятьсот воинов... Пржевальский знал, что среди казахов есть шаманы, способные вызывать дождь, бурю и даже град. А может, именно один из таких шаманов и был причастен к смерти тех людей?

И в уссурийской тайге, и в Алашане, и в Лобноре Пржевальский встречал шаманов и магов, дервишей и баксы, лечащих болезни «изгнанием духов», балгеров – ясновидящих, предсказателей судьбы. Все они до единого владели тайнами явлений, необъяснимых с точки зрения традиционной науки, и даже умели управлять ими. Как же забыть ему того дервиша, который мог за ночь преодолеть расстояние в сотни вёрст, вначале в Усть-Каменном, а потом на перевале через гору Саур. О баксы и шаманах он, кажется, писал когда-то... Пролистав дневник, Пржевальский нашёл ту самую запись: «Тангутские шаманы, подобно африканским магам, наряду с другими чудесами могут вызывать дождь, снег, град, а также другие атмосферные явления. Вначале шаман, прочитав заклинание над стоящей перед ними водой, налитой в деревянную чашку, взъерошивает свои волосы и обливает себя с головы до ног водой, а затем начинает разбрызгивать её вокруг себя. После того, как чаша опустеет, он переворачивает её вверх дном, поднимает указательным пальцем вверх по направлению к тучам и издаёт резкий звук “бух”, похожий на выстрел. Всё это действие продолжается четверть часа. За это время град, посыпавшийся с неба, прекращается, потому что обычно он столько же времени и продолжается. Любой из очевидцев полностью уверен в том, что град путём колдовства остановил шаман».

Блуждающий взгляд Пржевальского застыл на Роборовском, который, раскрыв свой планшет, рисовал песчаные барханы и саксауловые заросли в нём.

- Прапорщик, вы, случайно, не знаете, почему вдруг стало так тихо?
- Вы о чём, Николай Михалыч?
- Свист... Он исчез.

Увлечённый работой, помощник не выказывал какого-нибудь страха или опасения:

– Вы о ветре?.. Так это песок. Благодаря влажной росе барханы утром застывают. К обеду раскалённый солнцем песок скатывается с них... А звук – это трение мелких песчинок, не более того. Ближе к вечеру песчинки снова тяжелеют от влаги... Отсюда и скрежет.

Вот так всегда. На любой вопрос у него есть ответ. Для Роборовского всё просто. Пржевальский был немного раздосадован, что его молодой помощник и на этот раз так легко нашёл объяснение очередному, казалось бы, таинственному для него явлению. Сам он догадаться не смог. А ведь куда ни

глянь, до самого горизонта барханы да кустистые ряды саксаула. Уперев свой взор в дерево, торчащее из песка, Пржевальский задумался: «Жизнь саксаула зависит от силы его корней, цепляющихся за животворную землю. Одно лишь название – дерево... То ли дерево, то ли куст. Непонятно. Ещё одна загадка природы... Как его ни называй, но именно это растение, дабы выжить в суровых условиях, превратилось в камень, а его листья превратились в иглы. Самое интересное, что это растение имеет характер, сходный с характерами жителей пустыни, которые, бедствуя, живут в гармонии с природой, живут ради природы, являясь её частичкой в этом сухом, песчаном и суровом, забытом Богом уголке планеты... Да, очень сходный характер».

2

Вспомнив о казахах, глазами стал искать спутников. Увидел, как проводник не топором, а пинками выламывал из песка старые, высохшие ветки саксаула. Собрав внушительную кучу, он поволок их к костру. Огонь с жадностью пожирал всё, что скармливал ему проводник, и Пржевальский не мог взять в толк, для чего такой огромный костёр.

Скормив все дрова огню, коренастый спешно выхватил нож и, живо распоров брюхо косули, извлёк внутренности. Затем набил брюхо разными травами, которые всегда возил в своём коржуне, и деловито начал зашивать шкуру. Потом сгрёб в сторону горячие угли и принялся рыть неглубокую яму. После того как яма была готова, положил в неё тушу животного и, достав заранее приготовленную камышовую трубку, воткнул её в живот косули. После чего прикрыл тушу раскалённым песком и всё ещё горящими углями.

Пржевальскому стало интересно, и он приблизился к костру. Из камышовой трубки вовсю валил пар, словно дым из печной трубы, и тут запах еды защекотал ноздри. Когда он подошёл ещё ближе к готовящейся туше косули, до этого тлевшие на горячем песке угли саксаула ярко вспыхнули. Всё окуталось дымом, не давая возможности что-либо разглядеть, и путешественник вынужден был спешно отойти в сторону...

Барханы, ставшие бронзовыми в лучах закатывающегося солнца, через несколько минут стали темнеть. Едва темнота залила местность, как кусты саксаула, доселе казавшиеся уродливыми, вдруг преобразились. Они стали похожи на творения невидимого мастера. Вот эта ветка... Похожа на скелет животного. Вон та... На руки человека. Застывшие. Мёртвые фигуры. Вспомнив такие же мёртвые фигуры, которые увидел у устья реки Чар, он вздрогнул...

Расположившись в углу юрты, Пржевальский раскрыл свою тетрадь и при ускользящем вечернем свете сделал очередную запись в дневнике: «Саксаул – незаменимое растение для кочевников в пустыне. Пища для верблюдов и дрова для путника. И хотя само дерево очень крепкое, одновременно оно очень хрупкое, достаточно одного удара топором, как оно с хрустом ломается. Из этого следует, что дерево не пригодно для применения в строительстве... Как и все растения, что растут в сухом климате. Молодые побеги также пригодны в качестве хвороста. Скорее всего, прочная кора дерева предотвращает испарение влаги. Однако при горении хорошо отдаёт тепло, равноценное теплу каменного угля».

Путешественник понимал, что чиновников из разведывательного департамента не заинтересуют его записи о саксауле и о качествах этого уникального пустынного дерева. Да, то, что это дерево просто уникальное, факт. Однако получить из него бревно и доски невозможно. Следовательно, военное укрепление не построишь. Значит, в этой пустыне положение у русских, которые

привыкли возводить укрепления из дерева, плачевно. Если так рассудить, то и китайцам саксаул не нужен. Им глину и камень подавай. Тогда всё – укрепление протяжённостью в несколько, даже тысячи километров, будет готово.

Теперь он задумался о главной цели экспедиции, о миссии, с которой его отправил Российский генеральный штаб. Это – разведка территории между Китаем и Россией. А поход к Тибету – отвлекающий манёвр, спор, который не смогли решить и многочисленные орды гуннов и усуней, и живущие с древнейших времён на севере Алтая канглы и кипчаки. Раздел территории, которая, словно кусок шёлка, выскользнула из рук монголов – некогда хозяев большей половины Евразийского материка. Эта местность – рай на земле, где жаворонки вили гнезда на спинах овец, где забытый в землю кол становился деревом. Земля, которая некогда принадлежала империи найманов, которая долго не покорялась ни бесстрашным воинам Чингисхана, ни китайцам с драконами на стягах, ни хитроумным и жестоким кокандцам. Было бы просто замечательно, если бы многовековой спор на этом и закончился. Всё же хорошо, что удача пока на стороне России. После того как исчезли с исторической арены последние воинственные кочевники – джунгары, не осталось никого, кого можно было бы назвать вторым Галдан Цэрэном.

За те годы, что Пржевальский провёл в Центральной Азии, он понял, что недра Алтая хранят в себе бесценные, бесконечные сокровища. И чиновники, что сидели в департаменте иностранных дел, зря больше доверяли секретным военным отчётам, нежели его изысканиям, полевым запискам и научным трудам. При том, что имя его, как выдающегося первооткрывателя новых земель и путешественника, было известно во всей Европе. Особенно досадовали в секретных департаментах Великобритании. Чиновники от науки с трудом выделяли ему деньги для экспедиции. Вроде бы огромные деньги... Двадцать девять тысяч рублей. Из них десять тысяч в виде чистого золота.

Тоже мне золото... Да для рудного Алтая, который в месяц намывает шесть барж золота в сезон, это разве не капля в море? Огромное состояние сокрыто в этих горах, состояние, которое может и приумножиться. Состояние, которое не портится, у которого нет срока давности хранения. Единственное, что омрачает его мысли, так это то, что, когда он пытается возвысить российскую науку, делает во имя её всё возможное и невозможное, эти природные богатства ускользают из рук словно горсть песка.

Другой заботой, о которой надо было думать сейчас, является сохранение следов и остатков древней цивилизации: старые курганы и разрушенные древние крепости, которые до нынешнего времени охраняли свои недра, сокровища этого края. А теперь имеются лишь разграбленные гробницы, следы деятельности чёрных археологов и грабителей. Эти гиены в человеческом облике безвозвратно истребляли многовековую историю. Все ценности, золотые и серебряные украшения переплавлялись в металл и в виде бумажных ассигнаций оседали в карманах тех же алчных чиновников, один из которых едет с ним в экспедиции – начальник таможни.

Пржевальский знал, что по подсказке путешественников, таких, как и он сам, многие древние ценности этого края были выкуплены царём и выставлены в Эрмитаже. И это стоило немалых денег. Горестно было смотреть, как богатый железом, золотом, серебром и другими ископаемыми Тор Алтай, то есть Срединный Алтай, как называют его казахи, перешедший в результате раздела территорий к России, в последнее время медленно приходит в упадок, теряя свою былую актуальность.

Но что ни говори, а всё же удача на стороне Российской империи. Буквально вчера они перешли её новую границу, оставив позади себя плодородные и

богатые земли, впереди теперь предстанет голая пустыня. Земля, которая стояла во времена восстания кереев и дунган, сегодня медленно оживала. И для китайцев, и для дунган единственной проблемой всех времён был земельный вопрос. Перейдёшь пустыню, а там и до отставшего от каравана цивилизации Тибета рукой подать. Основной целью данной экспедиции, согласно заданию департамента иностранных дел, является пересечение территории Китая, который только начал собираться с мыслями после последнего раздела местности, и проникнуть в таинственный и неприступный Тибет.

Пока Китай и Россия выясняют отношения, с другой стороны в афганскую и казахскую землю вцепились англичане, подбираясь к нефтяным и угольным залежам. Пржевальский искренно жалел народ, который в тисках между драконом-айдахаром и русским медведем влачил жалкое существование, прячась в пустынных степях Бетпақдалы – Голодной степи. Невольно на ум пришли строки, некогда записанные им самим: «Пустыня... Везде пустыня и ничего, кроме пустыни. Выжить в таких условиях очень тяжело. Однако кочевники чувствуют себя здесь вольготно. Ибо эта земля для них и кормилица, и защитница в одном лице».

Да... кочевники не строят крепостей. Ни из дерева, как русские, ни из глины, как китайцы. Они находят своё спасение в степи. Даже не в степи, а в пустыне... Ну, а в пустыне, кроме казахов, обитают дикие лошади и мелкие птички. Потом... да, потом растёт саксаул.

Растущее в песках дерево всё никак не выходило из его головы. С первого взгляда невзрачное, низкое растение. Было что-то общее между ним и казахами, которые жили в этих краях и безропотно переносили все тяготы судьбы, выпавшие на их долю. Каждый раз, как только Пржевальский смотрел на саксаул, в его мыслях всплывало это сравнение. И он знал, что у людей, как и у саксаула, корни очень глубокие. Они вросли в эту землю, они жили на ней, жили в ней. Дышали ею... Правда и то, что для того чтобы расколоть саксаул на мелкие куски, достаточно удара ствола ветки о другую ветку. Это, наверное, ещё одна, но всё же основная схожесть между казахами и деревом – саксаулом. Потому как люди, словно щепки этого дерева, ударяясь между собой, рассыпались в разные стороны. И хотя у них общий язык, общая вера, общие обычаи и традиции, они своими постоянными распрями и разрозненностью напоминали ветки саксаула, разбитые в щепки.

Да, удивительная параллель между человеком и деревом...

Пржевальский знал, что в недавнем прошлом война казахов против калмыков-джунгар продолжалась около двух веков. Неисповедимы пути Господни. Если не считать веру, у этих двух народов много общего, прежде всего, образ жизни и быт. Почему же им было тесно в этой необъятной степи? И земли здесь много, и живности хоть отбавляй. Оказалось, что им понадобилось всего-навсего триста лет, чтобы вспомнить урок, который преподали им монголы. Остриём копыта и мечом монголы подчинили их себе. А через сто лет сами растворились в их массе. Пока степь снова не поделилась на два народа, на калмыков и казахов. Через триста лет... В итоге вот что получилось... Ни дать ни взять – тот же саксаул...

Он так задумался, что не заметил, как к нему подошёл толмач-татарин.

– Ваше благородие, этот проводник...

– Докладывай. Узнал от него что-нибудь о диких лошадях?

– По-моему, проводник ищет не диких лошадей, а семена многолетней пшеницы.

– Какой ещё многолетней?

– Обычная пшеница. Но многолетняя... Наверное, хочет засеять поле один раз в жизни и лежать пузом кверху, каждую осень собирая урожай.

– Губа не дура!

Пржевальский знал, что в Африке и в некоторых странах Востока есть племена и народы, которые никогда не засевают полей. И потому, едва услышал слова татарина о мечтах казаха-проводника, вспомнил, что у него в записях имеется следующее: «Не принимая во внимание народную мудрость, которая гласит: “Что посеешь, то и пожнёшь”, казахи Алашаня каждый сезон, особенно в обильные дождями годы, собирают богатые урожаи среди песков. Казалось, что может расти в песках, и при чём тут богатые урожаи? Откуда? Ан нет, казахи собирают зёрна растения, которое называется сульхаир. В источниках он более известен как *Argiophyllum gobicum* – сульхаир, кумарчик гобийский». Да, именно... Кумарчик... Пржевальский вспомнил, что сперва он записал название этого растения на русском, а затем и на латинском. «Кумарчик»... что-то не нравится ему это название. Обыкновенный, далёкий от науки человек может подумать, что это *Cannabis sativa* – посевная конопля или же обычная конопля – *Arosupum*. Значит, нужно срочно поменять название этого растения. А что, если... назвать его сульхаиром Пржевальского?.. А не многовато ли на одного человека?

Спешно открыв дневник, стал читать названия растений, которые были им открыты и названы его именем: рододендрон Пржевальского, боярышник Пржевальского, багульник Пржевальского, молочай Пржевальского, тополь Пржевальского, лук Пржевальского... Не многовато ли? Даже для великого исследователя и первооткрывателя, как он...

А что если отметить вот это растение с дунганским названием сульхаир кумарчиком Роборовского?.. Роборовский и кумарчик... Помнится в прошлый раз, находясь в хорошем расположении духа, он того самого алтайского сурка с казахским названием тарбаган называл сурком Роборовского. Да, сурок-тарбаган и Роборовский... Пржевальскому стало смешно.

Когда они ещё не перевалили Алтайские горы, прапорщик Роборовский умудрился собрать огромный гербарий растений, который везли на себе два верблюда. И, как кажется Пржевальскому, среди этих трав сульхаира нет, к тому же всезнайка-прапорщик вряд ли когда-нибудь слышал о кумарчике. Даже если видел и слышал, то, наверное, не обратил на него никакого внимания.

И если бы сейчас его спросили, кто умнее и полезнее своему народу: прапорщик, собирающий гербарий растений, или же проводник, ищущий многолетнюю пшеницу, – вряд ли бы он смог дать правильный ответ.

3

Пока Пржевальский пытался найти подходящее название для сульхаира-кумарчика, толмач-татарин и проводник-казах мирно грелись, сидя, как обычно, у костра. Поочерёдно протянув руки к тлеющим красным углям, они вели свой разговор.

– Я давно хотел спросить у тебя, – говорил татарин, – вот, как ты думаешь, что лучше: быть подданным России или Китая?

Проводник какое-то время не отвечал. Потом посмотрел на татарина взглядом, который ничего хорошего тому не предвещал:

– Тебе уже и объедков с барского стола мало, поэтому решил переметнуться к китайцам?.. Продажная шкура.

– С чего бы это?! Это я так. К слову... Просто хотел узнать, что ты думаешь на этот счёт.

– Мы, казахи, никогда не отвешивали и не будем отвешивать поклоны ни бородатым, ни безбородым. Сами с усами... Понял?! Много же вы выиграли, когда продались этим бородачам? Или это не твои братья, едва передвигая ноги, дотащились до Алтая?

– Так это же беглецы. Сбежали, чтобы не служить в русской армии рекрутами, потому что это потеря целых двадцати пяти лет жизни... С ними-то всё понятно. А вот чего не хватает казахам, которые пятьсот лет жили в степях Бетпакдалы – Голодной степи и у отрогов горы Улытау?.. Да, к тому же, разве не керей, обидевшись на казахов Младшего и Среднего жузов за то, что те приняли подданство России, отправили китайскому богдыхану послов с просьбой взять их под своё крыло?.. Мы тоже кое-что слышали. Знаем, что почём.

– Ты лучше скажи, чего ты не знаешь?.. От кого слышал?

– Ещё в Оскемене во время схода наших татар за одним дастарханом с кереем Буланбаем сидел он... он.

– Керей Буланбай, говоришь?.. Знаком он мне. Частенько переходит границу. А кто же был второй?

Сказать-то сказал, но, поняв, что сболтнул лишнего, толмач-татарин не мог остановиться:

– Тфу, шайтан!.. Самый мрачный тип из всех, кого доводилось мне встречать в этой жизни... Ваш родственничек. Скорее всего, из турков.

– Да какой он мне родственник, мать твою?! Ничего общего у меня с твоими кереем и турками. Мы всегда сами по себе... Я ведь потомок самого Кетбуги... правой руки Чингисхана. Ничего общего ни с пришлым кереем Джанибеком, бежавшим с низовой Сырдарьи и нашедшим приют в Шубартау и Ортабулаке, у меня нет. Мы не керей, корни которых имеют всего шестнадцать ветвей. Я из найманов, сколько раз тебе говорить... Против их шестнадцати ветвей у нас девяносто две. Теперь тебе ясно?

– Это что же получается... Чингисхан тоже из найманов? Не-нет... Получается, что он настоящий казах из найманского рода Сайболат? В прошлый раз ты, вроде бы, говорил, что Чингисхан происходит из найманов, из рода Алаша...

– Это не я говорил, тещу твою... Скорее всего, найманы, пришедшие из Улытау, сболтнули. Сдаётся мне, что именно в Улытау и находится могила Алаша хана. Покоится возле своего старшего сына Джучи, который является казахом. – Подумав немного, он добавил: – Алаша или Караша... какая разница. Мой Чингисхан точно из найманов.

– Значит, выходит, сын – казах, отец – найман.

– Откуда я могу знать, мать твою! В момент зачатия рядом не лежал, во время родов рядом не сидел, пуповину тоже не резал. Но то, что мой Чингисхан из найманов, знаю точно.

– Уж с кем с кем, а с найманами я знаком. Так из каких найманов вы будете?

– Вот с этого бы и начинал, тещу твою за ноги... Ходишь вокруг да около. Представь себе, я Мырзаш-батыр – казах из рода Сайболат, а род Сайболат из племени найманов. А найманы... из рода казахов.

– Ты сайболат или казах?.. Не знал, что среди найманов есть род казахов, батыреке, – засмеялся толмач-татарин.

– Е-е, скоро услышишь о моём роде, непорочный ты мой, – важно ответил коренастый. – Хоть и потомков пока много не нажил, а вот скотом Аллах не обидел... Даст Бог, ещё услышишь обо мне, моих потомках из рода Алдияр, а потом из рода Мырзаш.

– Какая-то скороговорка получается. Мы-то подданные белого царя, а вот с вами, Мырзэке... Казахи рассыпались, словно горсть проса, это – правда. Я к чему это... Говорят, когда китайский богдыхан не принял в своё подданство кереев, сказав, что не положено по закону, так как «они не чингизиды», то те пошли в Зайсан искать настоящих потомков Чингисхана и просили совсем юного потомка Кугедея стать им ханом.

– Ты как будто сам участвовал в этой церемонии... А может, ты не простой толмач, тещу твою за ноги, а посол белого царя? Закопать тебя, что ли, прямо тут в землю?

– Мне далеко до посольства... Другое дело, что сам посол Тевкелев приходится нам дальним родственником – это правда.

– Так бы сразу и говорил, тещу твою... Ты, что, думаешь, чингизиды так просто отдали Кугедея кереем? Просили выкуп, какой дают за шесть невест. Да-да, шесть невест... Огромное состояние.

– Странно, что казахи у других выкупают своих же начальников... то есть я хотел сказать, своих торе-начальников из рода Чингисхана.

– Не только торе-начальников, но и других тоже выкупают. Наши казахи мулл-сановников из рода пророка выкупают, акынов разных, батыров, балуанов тоже... Выкупают и усаживают на самое почётное место в юрте – на торе и смотрят ему в рот. Невесту им выкупают, даже не одну... Скотом одаривают, непорочный ты мой.

– Да ладно вам. Можно подумать, и батыров выкупают? Ведь казахам своих девать некуда... А что же вы тогда, Мырзеке, известный батыр, одиноко бродите по степи?

– Так это дело привычное. Всю жизнь в пути. А вот этим, вечно кашляющему, как чахоточная овца, Пржевальскому и тем двоим его помощникам, тещу твою за ноги, что надо?

– Начальнику нужен чин, звание... Ещё дикий верблюд, дикая лошадь. А я, как ни крути, слуга самого белого царя. На службе состою... Ты, наверное, единственный среди нас, кто жертвует своей головой по своей воле.

– Какие ещё дикие лошади, три хворобы на тебя?

– Ну, нашего начальника... Лошадь, которую ищет сам Пржевальский. А я, знаешь ли, не очень-то верю, что есть ещё дикие лошади. Нам, татарам, все лошади известны, но диких я никогда не видел. А ты их видел?

– Не только видел. Много раз охотился на них... Мясо, конечно, твёрже, чем у домашних лошадей. Не на откорме же стоят... Даже для таких, как я, мясо жестковатое, не по зубам. Но зато шкура, конечно, намного крепче, чем у домашних.

– Интересно. Охотился, говоришь?.. А были ли люди, которые поймали хотя бы одну такую лошадь?

– Да толку от этого?! Дикая она и есть дикая... Только выпустишь с привязи, поминай как звали. Хвост трубой, и пыль из-под копыт. Ладно бы одна убежала, так нет же, весь молодняк за собой уведёт, зараза.

– Как это уведёт?

– А вот так. Сам видел, как угоняли они домашний скот. Жеребята, стригунки за ними так и бегут. И угоняют-то не жеребцов, не подложенных коней, а только кобылок, тещу твою за ноги... Видел я и жеребят, рождённых от диких жеребцов. Красавцы! Вот только не признают узды... Полукровки.

– Полукровки?

– Детёныши куланов... Домашний жеребец никогда не сможет покрыть дикую кобылицу. А может, и не хочет, тещу твою под дых...

– Ну, если ты этого не знаешь, то я и подавно. Это как у ослов, получается. Жеребец ведь не может покрыть ослицу... А вот наоборот возможно. Получается кашыр.

– Тоже мне, знаток... Дались тебе ослы, тещу твою за ноги. Да, те соседи, что живут на юге, которые в тубетейках, получше нас о них знают.

Сказав это, коренастый казах расхохотался. Отсмеявшись, переменял тон:

– А ты знаешь, точно так же и у волков... Только волк-то поумнее нас с то-

бой будет, непорочный ты мой. Если волчица и забирает кого, то только кобелей. В результате рождаются самые настоящие красные волки. Вот они – хозяева степи. А насчёт лошадей... Самые лучшие кони – это рождённые от диких жеребцов, хотя последние и непригодны для верховой езды.

– Так наш Николай Михалыч и ищет таких лошадей. Вот если бы мы поймали хотя бы одну, тогда заработали бы себе доброе имя. Да и деньги, наверное...

– А чего их искать. Ладно бы была зима... После зимы их можно без труда найти на водопое. Завтра пойдём на водопой и поймаем одного коня или кобылицу. Отдадим начальнику... А уж он отправит её в Петербург. Посмотрим, как будет сидеть на необъезженной лошади ваш пузатый начальник, привыкший к мягкому седлу тяжеловоза.

Оба рассмеялись. Повеселев, коренастый казах, как всегда, затянул свою старую песню: «Где же найти коня лучше белоногого рысака... Где лучше найти молодуху, чем сватья... с весёлыми глазами... Когда я, загнав коня, приехал... Не сказав никому... Но она приш-ла са-ма... Ми-лая моя...»

Оборвав свою песню на самом интересном месте, коренастый, вздохнув, начал ворошить ножом угли в догорающем костре. Когда угли вспыхнули снова, из камышовой трубки повалил пар. Пар этот щекотал ноздри.

Издали, из глубины барханов, раздался вой пустынного волка – шакала. Вой его был похож на плач ребёнка. Толмач-татарин заёрзал, сидя на месте:

– Когда же поспеет твой ужин?

– Ты что, дикарь, тещу твою за ноги, чтобы есть сырое мясо?

– Знаешь, я видел, как мясо варят в воде и на углях. Но чтобы в песке... В первый раз. А оно точно сырым не будет?

– Если сомневаешься, можешь не есть, непорочный ты мой!..

Собрав в сторону красные угли, коренастый начал убирать горячий песок. Вскоре показалась вздувшаяся, как бурдюк с вином, туша косули. Содрав с туши шкуру рогатиной, казах вспорол ножом брюхо. Тотчас же по всей округе разнёсся пьянящий аромат готовой еды. Запах свежего молодого мяса и горного лука витал над лагерем. Такой аромат могла распространять только пища, приготовленная не на огне, а под огнём.

Все собрались вокруг костра. Казаки и офицеры, проголодавшиеся за день трудного перехода, усевшись на шкуры, лежащие на песке, с удовольствием уплетали свежее мясо. Нежное мясо косули – степной лани, казалось, само просилось в желудок. Плотно поужинав, все полезли в карман за платком, чтобы вытереть руки. А проводник стал вытирать руки сыпучим сухим песком, беря его в ладони и растирая между пальцев. Ещё один навык кочевников... Сначала он соорудил казан из шкуры и песка. Накормил людей. А теперь и вытирается песком. В самом деле, зачем ему чистое полотенце или платок? Дитя природы...

Но и это было не всё... В скором времени проводник, расчистив место у костра, очертил круг горячими углями, лёг внутри этого круга на свою кошму и быстро захрапел. Пржевальский, из любопытства, не думая о субординации и разности положений, потеряв всякое предубеждение, подошёл к лежащему на кошме проводнику и улёгся рядом...

Зачерпнув горсть песка, очень скоро почувствовал тепло, идущее от мелких песчинок. Песок был горячим, и, подумав о своей пояснице, русский вытянулся на земле в полный рост. Тепло тут же охватило его спину. Это был верх блаженства, и впервые за многие дни он с удовольствием потянулся, разминая мышцы. Вскоре поясница, которая в последнее время не давала ему покоя, перестала болеть вовсе. И Пржевальский испытал доселе неведомое наслаждение. Поверят ли ему петербургские друзья, что он спал в голой степи,

укрывшись горячим песком, на горячей постели из песка, согретого сгоревшим саксаулом?..

Он посмотрел на ночное небо. Звёзды. Луна... Вернее, всё, что от неё осталось. Тонкая долька, похожая на свежий, сочный кусочек дыни. А у самого верхнего кончика яркая звёздочка. Венера. Он знал, что по поверью казахов, когда Венера и Луна находятся на одной линии, приходит новый год. Двадцать второе марта. Да... Всё у них не так, как у европейцев. Станный народ... Интересные поверья. Любопытные традиции.

Вскоре раздался могучий храп проводника, который, устав за день, теперь храпел, как медведь. Могучий чёрт... Да и сам он сегодня устал от тяжёлого перехода. Лёжа на горячем песке, грея спину, слушал сонное бормотание коренного казаха, и вскоре почувствовал, как сон одолевает и его. Сомкнув тяжёлые веки, Пржевальский вскоре провалился в пустоту.

4

Сколько проспал, неизвестно. Был предутренний полумрак... Небо побледнело, не стало видно ночной россыпи ярких звёзд.

Путешественник медленно потянулся всем телом. Давненько не испытывал такого блаженства. Во всём теле чувствовалась бодрость, каждая мышца, каждая клетка его тела словно заново родились и требовали движения. Тепло горячего песка напомнило ему детство, тёплую русскую печь в отчем доме. Поднявшись, пошёл в сторону кустов чингила – колючего тростника, где вчера привязали своих лошадей. Вроде все на месте, только не видно сизого жеребца проводника. Пройдя через кусты саксаула, увидел на мокром от росы песке отчётливые следы коня. След этот вёл напрямиком на восток в сторону песчаных барханов. Что странно, следы эти вели только в одну сторону, в лагерь не возвращались.

Где-то рядом прощebetал воробей. «За нами пришли, родимые... Поближе к роду людскому». Существование многих животных напрямую связано с человеком, и птицы – не исключение, они – постоянные наши спутники. Интересно, это только потому, что они питаются остатками пищи, или есть ещё что-то важное? А может, они знают, что возможности человека не настолько велики, и всё живое в этом мире подвластно лишь самой природе, а человек создан для них же, для птиц и животных... Что за странные мысли с утра?

Кажется, он где-то читал, что пустынные воробьи селятся вдали от человека. Орнитолог Роборовский должен знать лучше. Пустынные воробьи... Крылатые беглецы, убежавшие подальше от более сильных своих собратьев в безликую, порой даже суровую пустыню. Воробей, живущий в кустах саксаула. Да... Такой же свободолюбивый беглец, как и кочевники-казахи, живущие в пустыне...

Вскоре из стоящего невдалеке шатра показался прапорщик, за ним вышел толмач-татарин. Заискивающе поглядывая на Пржевальского, татарин деловито разворошил кучу золы. «А ведь и этот татарин тоже знает массу способов, как выжить в таких суровых условиях», – подумал Пржевальский, глядя, как толмач ставит на ещё красные угли старый закопчённый чайник – кумган.

После завтрака снова двинулись в путь. Шли по конскому следу, обозначенному проводником, по зыбучим пескам, и вскоре поднялись на восточную песчаную грядку. С небольшого холма в бинокль Пржевальский осмотрел окрестности. Перед ними лежала ровная, как доска, и голая, как плешь, степь. Ведя бинокль в сторону, вскоре заметил на бледной земле едва различимую серую точку. Немного погодя эта серая точка стала походить на отчётливый контур сизого жеребца.

Проводник подъехал к ним и спешил. На лице его почему-то сияла улыбка. Внезапно он опустился у куста кандыма. Пошарив по своим бездонным карманам, достал кусочек курта и отправил его в рот. Посидел, посмаковал немного. Затем, отвязав от пояса незаменимую для путника посуду – торсык, долго и жадно пил из неё.

Насытившись, с улыбкой посмотрел на штуцер Пржевальского, что висел у того за спиной. Затем, обернувшись к толмачу, начал что-то быстро говорить...

– О чём он?

– Он говорит, Ваше благородие, что искал диких лошадей.

– Каких? Диких?

– Откуда мне знать, Ваше благородие. Если ему верить, то они недалеко отсюда... Судя по всему, он собирается вести нас к озеру.

– Если вы меня водите за нос, накажу... Обоих.

– Он говорит, что отведёт нас к диким лошадям.

После небольшого привала, посоветовавшись, они продолжили путь, при этом двигаясь строго на восток. Пржевальский, услышав о диких лошадях, решил сам всё проверить. Они ехали по блеклой земле, кое-где растрескавшейся, словно панцирь степной черепахи, и кони их поднимали лёгкую пыль.

Проводник ускакал от них очень далеко. Так он делал только однажды, когда был ясный день. Пржевальский заметно разволновался. Он должен первым увидеть дикую лошадь. И лишь только после этого не просто шкура, находящаяся в Санкт-Петербурге, а реальный дикий конь будет иметь полное право носить его имя – имя Николая Пржевальского.

Лошади под ними, словно почувствовав, что цель близка, скакали дружно, единым ритмом. На голой земле не было видно ни клочка травы, лишь иногда встречались жалкие и сухие кусты карагайника и пустынного тростника. Видно, давненько не было здесь дождя, и в таком вот месте не то что лошадей, даже букашку встретить – большое счастье.

Внезапно конь под путешественником шарахнулся от взмывшей перед ними в небо куропатки. Пржевальский едва не вылетел из седла... Впереди показалось что-то похожее на озеро. Мираж? Нет, этого не может быть. Сливаясь с горизонтом, большое, словно бескрайнее, море-озеро. Или всё-таки это мираж? Ибо нельзя верить ни пустыне, ни людям, которые здесь живут, даже животным и букашкам нет веры. Здесь всё призрачное. Куда ни глянь, повсюду белёсая, голая степь... Карагачи. Жаворонки. Потом... огромный коренастый казах, скачущий впереди на своём сивом жеребце.

Вдруг проводник, придерживая своего коня, повернулся к ним и приложил палец к губам. Остальные, стараясь не шуметь, подскружились к нему. Коренастый, приложив ко лбу ладонь, долго вглядывался в сторону горизонта. Пржевальский достал бинокль. Однако, сколько бы он ни смотрел, кроме миража ничего не видел.

– Гашун-нор... – сказал проводник. – Вы заметили, что в этом году воды в озере намного больше?

– Какое ещё озеро? Какой ещё Гашун-нор? – спросил толмач, потирая тыльной стороной кулака глаза, красные от песка и ветра.

– Ты что – слепой? Не видишь, что ли?

То, что всем показалось миражом, действительно было большущим озером. На растянувшейся до самого горизонта водной глади озера виднелись непонятные точки,двигающиеся по воде. Не поверив своим глазам, Пржевальский передал бинокль Роборовскому. Дрожащим от волнения голосом прапорщик зашептал, нет, скорее зашипел быстрой скороговоркой:

– Ну-ка, ты посмотри, что это там на воде? Это же куланы... Куланы?

– Какие куланы? Где ты видел, чтобы куланы и ослы пили воду с глубины? Это лошади, – глухим голосом отвечивал проводник. – Теперь нам надоделиться, чтобы поймать хотя бы одну из них.

– А они не уловят наш запах?

– При чём здесь запах? Ночью вода притягивает всю влагу, а днём, наоборот, испаряется... Сейчас ветер дует как раз в сторону озера.

Взглянув на Роборовского, Пржевальский увидел, что тот что-то торопливо записывает в свой блокнот.

Быстро скатившись с откоса, спрятавшись от взоров лошадей, они вновь зашептались.

– А теперь мы поделимся, – сказал проводник. – Я поеду в эту, а вы двигайтесь вон в ту сторону. Мы должны зажать их с двух сторон. А начальник пусть остаётся здесь... Как только мы отъедем, пусть потихоньку двигается к озеру.

Разделившись на три группы, всадники начали обходить озеро. Оставшись один, Пржевальский спешился, скинул с плеча штуцер и, не торопясь, зарядил его. Затем поправил седло, подтянул подпруги. Надо быть готовым ко всему...

Снова сел в седло и осторожно направил коня к озеру. Подняв бинокль, начал осматривать водную гладь. То, что вначале показалось ему точками, на самом деле оказалось лошадьми. Теперь их было хорошо видно, они бродили по колено в воде. Да, лошади... Коренастые... С толстой шеей. Из всех животных только лошадь пьёт с глубины чистую воду. Значит, перед ним были именно они. Те самые, не ишаки, не куланы, а дикие лошади. Его мечта сбылась! От радости сердце заколотилось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди, разорвёт китель...

Подъехав к берегу, путешественник решил не испытывать судьбу и осторожно устроился под кустом тростника. Приготовил штуцер... Ошалев от счастья, не знал, куда спрятать своего огромного, как скала, коня. Но если на водопое были действительно дикие лошади, они не должны испугаться своего домашнего собрата. Эта мысль успокоила его, и в нём проснулся охотничий азарт.

Единственной страстью и утешением в трудных и долгих переходах для Пржевальского была охота. Скажи ему сейчас кто-нибудь, что на земле есть нечто лучшее, чем путешествия или охота, он бы ни за что не поверил. Во время своего странствия в Сибирь, помнится, он за один только сезон расстрелял четырнадцать пудов пороха!.. Тогда он был молод, хотя и сейчас охотничьи его припасы везли на себе три огромных верблюда – атана. Четырнадцать пудов! Это месячный запас одной бригады во время военных действий. Но при необходимости, например, при охоте на диких зверей тайги незачем отчитываться перед казначеями за растрату выданных на дорогу боеприпасов. Во время охоты на реке Шуга, помнится, за каких-то три часа охоты он лично подстрелил трёх куланов. А сколько там было ранено и добыто дичи, птицы, не сосчитать. Он бы и не помнил эту охоту, если по своей привычке не записал бы всё в дневник. Будь его воля, то сейчас он бы отдал не только всю дичь, что подстрелил на Шуге, но и тех тигров, и тех соболей из уссурийской тайги за одну только лошадь. За одну!

Отгнав от себя воспоминания, Пржевальский начал всматриваться в противоположный берег озера. Видно было, что его помощники уже подошли достаточно близко к косяку. И вдруг беззаботно пьющие воду лошади, подняв головы, замерли и стали чутко прислушиваться, пытаясь уловить посторонние звуки. Как только над озером разнеслось призывное ржание жеребца с

жёлтой полосой вокруг шеи, лошади разом ринулись к берегу. Сначала они всей гурьбой кинулись бежать на юг, но, заметив верховых наездников, повернули в его сторону. Сердце его, не дрогнувшее даже тогда, когда он стрелял в тигра и медведя, когда на расстоянии вытянутой руки подстрелил десятипудового кабана, вдруг бешено забилося в груди.

Они приближались... Всё ближе... Ближе... Пять... Шесть... Это было его неписанным правилом: когда он злился, то начинал считать про себя. Теперь он отчётливо видел мчащегося впереди всех сизого жеребца с вздыбленным загривком и поднятым кверху хвостом. Пригнув голову к земле, тот мчался, как вихрь. Уперев свой штуцер в плечо, Пржевальский задержал дыхание. Долго целился. Дрожащие пальцы были словно чужие. Помнит лишь, что с трудом ему удалось успокоиться и негнувшимися пальцами нажать на курок. Сизый дым окутал его, не давая возможности что-либо разглядеть.

Открыв глаза, заметил, что скакавший впереди косяка жеребец споткнулся, но сумел устоять на ногах и, оглянувшись в его сторону, продолжил бег. Наполняя топотом молчавшую до этого степь, косяк лошадей уходил на север. Прицелившись ещё раз в жеребца, который теперь скакал в хвосте табуна, Пржевальский стал безостановочно стрелять.

Очнулся он лишь тогда, когда косяк лошадей превратился в точку на горизонте. Только что... Только что лошади были здесь. Мечта всей его жизни, мечта его друзей, которые устали от безликих и скучных картин в каменном городе, экспонат, который искали те псевдоучёные, только что был здесь... А знают ли они, что эти лошади – последние из последних. Как жаль... Он ведь очень долго ждал этой встречи, и всё закончилось так неудачно.

Закрыв лицо ладонями, так и остался сидеть на месте, рядом с кустом... Он не помнил, сколько времени просидел. А когда открыл глаза, вокруг толпились его спутники.

– Почему не стреляли, Ваше благородие?.. Почему не стреляли?..

Толмач-татарин, задавая этот вопрос, подобострастно глядел ему в глаза. Напротив, взгляд Роборовского метал грома и молнии. Харитон, умеющий отличать стрелявшее ружьё от не стрелявшего, молча, с жалостью смотрел на него.

Пржевальский зло посмотрел на денщика:

– А вы где были? Вот я вас!

– Мы-то тут при чём? Почему вы в лошадей не стреляли, Ваше благородие, что с вами?..

Увидев, с каким состраданием смотрит на штуцер толмач-татарин, считая его своим сторонником, Пржевальский усмехнулся:

– Пожалел... – притворно рассмеявшись, ответил он и, стараясь не показывать своего состояния, отвернулся. – Пожалел жеребят... Боже мой!

Вскоре подъехал проводник-казах, который один гонялся за диким косяком. Он был зол, брови сошлись на переносице, казалось, что вены на шее вот-вот лопнут от натуги. Спрыгнув с коня, ткнул в грудь татарина рукояткой камчи.

– В чём дело? Почему упустили, тёщу твою?

Толмач развёл руками:

– Скорее всего, начальник пожалел жеребят, вот и не стрелял... Никогда его не видел таким. Сколько мы с ним охотились... Впервые такая слабость.

– Как это не стрелял, мать твою?! Сдались эти стригунки и жеребята. Дикие... Но жеребца-то он ранил. Кровь так и хлещет... Теперь он не жилец. Жалко кобыл и стригунков. Пропадут ведь без жеребца... Вот паскудство.

Толмач-татарин хотел было перевести спутникам, что сказал ему проводник, но, встретившись с яростным взглядом коренастого казаха, замолчал.

5

Всю ночь напролёт в шатре при тусклом свете свечи Пржевальский писал. Вначале описал своё состояние, затем по порядку всё, что увидел и узнал за прошедшие сутки. Этим самым хотел показать всем, что он есть, что живой, что не просто так бродит по потаённым уголкам земного шара.

Писал отчёт для чиновников, которые ждали от науки, от его экспедиции только сенсаций. Им подавай если уж не открытия Америки, то хотя бы доселе неизведанного клочка земли где-нибудь, скажем, в Австралии. Или же какого-нибудь чуда в Центральной Азии... По-другому и нельзя. Если он не будет писать эти записки для начальства, для своих друзей, да и для Императорского географического общества, он всё равно что мертвец. Нет новых сообщений, нет и его самого. Как прикажете понимать, если эти столичные болваны в прошлый раз успели напечатать некролог в газете и раструбили о его смерти на весь мир? А он всё ещё живой и наконец-то столкнулся с лошадьё, которой дано его имя.

Если подумать, то настоящее его – серое, безликое, а будущее размыто, неясно, как миражи в пустыне. Ну разве нормальный человек в здравом уме и при ясном сознании поедет на край земли в поисках неизвестно чего? Какие тайны мироздания сокрыты повсюду: в непроходимых лесных дебрях, в неприступных горах, в безжизненной пустыне? Здесь есть такие места, как зыбучие пески, пожирающие-поглощающие всё живое, забредшее туда, на свою беду, «в гости». Совершая свои безуспешные походы на Тибет, Пржевальский столько раз подвергал смертельной опасности жизни своих спутников и товарищей, и свою в том числе, что немудрено, что его уже при жизни некие «доброхоты» посчитали погибшим...

Чего греха таить, за все эти годы, за всё это время он не встретил ничего сверхъестественного в этой степи. Что уж там говорить, но именно в Европе сосредоточены главные достижения цивилизации, и свидетельства тому можно прочесть на лицах жителей Парижа и Лондона, в их манерах. А тут что можно разглядеть? Какие такие достижения? Непроницаемые лица, хитроватые глаза, улыбки при каждой новой встрече. На этой земле жизнь человека зависит только от природы, и только она помогает им выживать в таких жестоких условиях.

Неужели у людей иссякли родники мечты? Уж кому-кому, а ему есть что рассказать своим товарищам, которые на карте разделили большой материк Евразию на две части, а сами не выезжали и за городские стены. По этой самой воображаемой карте пешком и верхом на лошади прошёл он, только он, Николай Пржевальский. Познания имперских учёных ограничиваются тем, что они различают людей по цвету кожи, по языку, по религии и по традициям. Вот и все их знания жизни людей на окраинах государства. А он – Пржевальский, знает казахов, алтайцев, дунган, татар и людей многих других национальностей не понаслышке. Знает, что каждый из этих народов имеет свои национальные особенности. Они все разные, не на одно лицо... Откуда им знать, этим канцелярским чинушам, что у каждой земли, у каждой местности, по которой ему пришлось пройти не один раз, есть своя душа, свойственная только этой земле божественная красота, своя тайна. А обыватели ждут, что им расскажут о шаманах и чародеях, которые знают все тайны мира, начиная от твоего рождения, и которые сидят на вершинах высоких гор и ведут беседы с самим Богом неба – Тенгри...

В последние десятилетия в России заправляют царевны и царевичи, которые начинают свой день в янтарных комнатах, кутят до глубокой ночи и заканчивают бездарно потраченные сутки в позолоченных отхожих местах. И при этом считают себя самыми умными и великими на свете. Тоже

мне – наследники Петра. Да, конечно, они наследники Петра, но не того самого Петра. Да-да, великого...

Три года тому назад Пржевальский, рискуя жизнью, отправился в экспедицию в неизвестный миру Тибет. Но не достиг намеченной цели, вернулся, лишь побывав у самого подножья неприступных гор. Конечно же, ничего сенсационного он не встретил на своём трудном и опасном пути. А может, не смог разглядеть? Или же ему не хватило знаний, подготовки, чтобы разгадать что-то новое? Но вот вопрос: какая сила раз за разом влечёт людей не за тридевять земель, за океан, а сюда, в самое сердце Евразии, в центр материка, где люди живут уже не одно тысячелетие? Какую Америку они тут открывают?

На самом деле его уже давно не интересуют тайны неприступных, величавых гор. Сказочный, таинственный мир восточных окраин империи не имеет никакого отношения к науке. Всё сказочное и таинственное – это, в лучшем случае, сказки, устное народное творчество коренного населения. Этими сказками и прочими рассказами не восполнить те огромные пробелы в науке, которые имеются и мучают настоящего исследователя. Все открытия предшественников, которые, стирая ноги в кровь, проходя сотни и сотни вёрст непроходимых троп, бродя, словно дервиши, по древней азиатской земле, сегодня не стоят даже и гроша. Божья тварь – муха цеце и та сейчас в большем почёте, ибо её все боятся из-за смертельного укуса. А куда делись люди, что пожертвовали всем ради новых географических и натурфилософских открытий? Что после них осталось в мире? Что останется после него? Может быть, дикая лошадь его имени? Или дикий верблюд?

Если рассудить объективно и здраво, совесть его чиста не только перед всероссийским научным сообществом, но и перед наукой всего мира. Сколько доселе неизведанных мест он открыл, сколько пустынь прошёл, сколько перевалов одолел – не сосчитать, однако все они скрупулёзно были исследованы и нанесены на карты. И ведь не так просто были сделаны эти открытия, а ради блага Родины, ради того, чтобы слава России гремела на весь мир. Да, он называл новые местности, новых животных и открытые им растения своим именем, но имя-то у него русское... Чего только стоят названия, которые были даны во время его второго путешествия на далёкий Тибет! Русская возвышенность. Холм Российского географического общества... Всех и не перечислишь. Разве хоть раз забыл он своих товарищей? Холм Гумбольдта, Риддерская возвышенность, Холм Мушкетова... Холм Пржевальского. Да-да, не забыл он своих друзей, и себя в том числе...

Мысли его перенеслись к одичалым верблюдам... К сожалению, не смог он поймать дикого верблюда, однако ему посчастливилось купить у казахов шкуру этого животного, которого они называли «верблюжьей сайгой». Шкура была в отличном состоянии, и было видно, что шкура на груди у животного тонкая, а в области колен отсутствовали хрящи. И то, что горб на спине у этого животного был маленьким, подтверждало, что это животное дикое. Ну, а что касается проблемы с дикой лошадей, то, судя по всему, она решаема. Тот вид лошади, который он открыл, это не дикий кулан или тарпан, которого разводят казахи, а именно дикий собрат домашней лошади. Лошадь Пржевальского. И если ему повезёт, он сможет поймать одну из этих лошадей.

Завершив свои записи, он обычно тут же перечитывал их, иногда внося поправки. Его охватили сомнения: правильно ли он изложил сведения о диком верблюде? Допустим, тысячи лет тому назад азиатские кочевники приручили диких лошадей. А верблюды обитали ещё во времена мамонтов. И если теперь он откроет миру диких верблюдов, разве это не станет ещё одним научным открытием?

Да, он всей душой любил лошадей, для него они были особенными животными, а вот горделивых верблюдов в глубине души он всё же не признавал. Конечно, поймать дикого верблюда – мечта любого естествоиспытателя. Но вот быть хозяином, держать на своём подворье огромного ручного верблюда – это уж слишком. И он боялся признаться даже самому себе, что побаивается этих загадочных и горделивых животных. Помнится, как на очередной странице сам даже не заметил, как написал:

«...Мне посчастливилось встретить дикого верблюда на его родной земле, в Лобнорской пустыне. Я достаточно подробно описал его повадки, характер в своих путевых заметках. Так же я в своих записях говорил и о том, что этот вид верблюда – представитель дикой природы. Доказательством этому служат зоологические исследования И. С. Полякова на основе костей черепа, привезённых мной из лобнорской экспедиции, а также останков, найденных охотниками в южной Джунгарии.

Согласно исследованиям Полякова, существуют незначительные отличия между диким и домашним верблюдом. У диких горб немного уступает по размерам домашнему верблюдом, а также на передних ногах животного отсутствуют коленные хрящи. Что же касается костей черепа, то и здесь различия между ними малозначительны».

В какой-то момент Пржевальский захотел зачеркнуть строки, где написал, что отличия между домашним верблюдом и его диким собратом незначительны, однако передумал. Ведь на самом деле так оно и есть. Домашний верблюд откладывал жир в свои горбы, а с чего откладывать дикому верблюдом, если вокруг голая степь?.. Он не в состоянии был даже накопить подкожный жир, а тут в горбы...

По привычке проводя параллель между людьми и животными, путешественник пришёл к выводу, что некоторые люди чем-то схожи с верблюдами. Это чётко видно в отличии городских жителей, купающихся в роскоши, пользующихся всеми благами цивилизации, от жителей степи, довольствующихся лишь тем, что даёт им природа. Надо же, и как же только он сам додумался везти из этой азиатской дали в каменный город череп и останки какого-то животного, пусть даже и дикого?..

Путешествуя столько, сто-оль-ко лет по дикой пустыне, неужели он сам тоже стал похож... да, да, похож на этого верблюда? От такого сходства его слегка передёрнуло. Неужели и себе придумал сравнение?..

В ночной тишине неожиданно подал голос сыч. Снова и снова... Пржевальский вздрогнул...

Окончание в № 1, 2025.